

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)5

ТОМАС МЭННИНГ О ТИБЕТО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Е.Л. Беспрозванных

В статье рассматривается путешествие в Тибет Т. Мэннинга, побывавшего там в начале XIX века. Статья основана на путевом журнале Мэннинга, который содержит важные сведения о китайском правлении в «Стране снегов» в указанный период. Автор рассматривает путешествие Т. Мэннинга не как случайную удачу смелого человека, но как научную экспедицию. Наблюдения Т. Мэннинга о тибето-китайских отношениях имеют научную ценность, а сам его визит вызвал окончательное «закрытие» Тибета для европейцев.

Ключевые слова: *Тибет, Далай-лама, амбани, Цинская империя, Китай, Лхаса, ксенофобия, чиновничество, миссионеры.*

В конце XVIII в. китайская власть в Тибете значительно укрепилась. Это было связано с официальным включением Страны снегов в состав Цинской империи и введением специальных установлений и правил, ставивших под контроль Пекина внутреннюю жизнь и международные отношения Тибета. Были резко сужены права и полномочия Далай-ламы, который до непальских войн занимал положение верховного правителя страны: теперь на первое место выходят цинские резиденты в Тибете (амбани), ведающие ключевыми вопросами внутренней и внешней политики.

Одним из китайских нововведений в Тибете в конце XVIII в. стало «закрытие» страны для внешнего мира. Тибет, имевший сложную систему взаимоотношений с соседями на юге и западе, был вынужден передать все формы внешних сношений под контроль цинских резидентов [2, с. 242]. Это «закрытие» страны вполне соответствовало общеимперскому курсу на «самоизоляцию» империи, который проводился с 1757 года.

Итак, закрытие тибетских границ (за исключением официальных посольств или паломнических миссий ко двору Далай-ламы из пригималайских стран) должно было изолиро-

вать Тибет от иностранцев, и в первую очередь от европейцев. Европейцы воспринимались в Китае как назойливые торгаши, как шпионы, как люди, стремившиеся подорвать моральную основу Цинской империи (миссионеры). Первые два десятилетия XIX в. отмечены ожесточенной борьбой императорского двора с миссионерами и китайцами, принявшими христианство [5, р. 384, 396–399]. Казалось бы, в этих условиях у европейцев нет ни малейших шансов проникнуть в Тибет, цитадель северного буддизма: на их пути стояли природные трудности и официальный запрет.

Тем не менее нашелся человек, сумевший проникнуть в Лхасу вопреки всем трудностям и запретам. Этим человеком был англичанин Томас Мэннинг (1772–1840), посетивший Тибет в 1811–1812 годах.

Путешествие Т. Мэннинга отмечено в ряде научных работ, касающихся новой истории Тибета [2, с. 19–20; 8, р. 75; 10, р. 72; 11, р. 33–39]. Как правило, эта экспедиция рассматривается как некий исторический курьез, когда эксцентричный англичанин прошел в запретную территорию и даже ухитрился получить аудиенцию у Далай-ламы.

Однако нас интересует не уникальность или курьезность этого события, а те наблюдения, которые сделал Т. Мэннинг в период своего пребывания в Тибете и, прежде все-

го, – его взгляд на тибето-китайские отношения в начале XIX века. Источником для написания данной статьи послужил путевой дневник Т. Мэннинга, опубликованный в 1876 г. К.Р. Маркхэмом, который является также автором биографического очерка Т. Мэннинга.

Томас Мэннинг родился 8 ноября 1772 г. в английском городке Брум в графстве Норфолк, в семье священнослужителя. В юношеском возрасте он поступил в Кэмбриджский университет (Кайюс-колледж), где проявил замечательные способности в области математики. Однако после окончания университета он не стал заниматься математикой, поскольку увлекся историей и культурой Востока. Особенное внимание Т. Мэннинга привлекал Китай, который для европейцев оставался во многом загадочной страной, несмотря на то, что английская Ост-Индская компания много лет торговала в южнокитайском порту Кантоне (Гуанчжоу). Мэннинг начал изучать китайский язык и материалы путешественников, побывавших на Востоке. Его друг со времен университета, Чарлз Лэмб, пытался отговорить его от увлечения Востоком: «Все это сказки. Старательно молись и лечись. Прими морозник. Молись о преодолении искушения. Больше не читай книги путешественников: они не что иное, как ложь» [9, р. CLVI].

Но Мэннинг не собирался расставаться со своей мечтой. Осознав, что теоретическое изучение китайского языка вряд ли поможет ему в Китае, он сумел заручиться поддержкой Ост-Индской компании, и период с 1807-го по 1810 г. провел в Кантоне (Гуанчжоу), проживая в фактории Компании. Он надеялся, что его знания помогут ему получить место математика или физика при императорском дворе в Пекине. Такие случаи бывали, но, как правило, подобные должности занимали католические миссионеры, а они не склонны были допускать в свою среду протестанта Мэннинга. Прожив в Кантоне 3 года, Мэннинг понял, что легально пройти вглубь Китая ему не удастся.

Здесь, в Южном Китае, он впервые столкнулся с настоящим, а не воображаемым Китаем, увидел быт и одежду китайцев, осознал, что пекинский (мандаринский) диалект китайского языка, который он изучал в Европе, сильно отличается от южного диалекта.

Условия для проникновения в Китай с юга были неблагоприятны: периодически повторялись гонения на миссионеров и китайских христиан, отношение к любым европейцам было подозрительным. Серьезные подозрения у китайских властей вызвала высадка английского десанта 11 сентября 1808 г. в Макао, связанная со слухами о готовившихся якобы действиях Наполеона в этом регионе; после прекращения торговли Китая с иностранцами, англичане были вынуждены вывести свои войска с юга Китая [1, с. 94].

Все это заставило Мэннинга переменить свои планы. Не надеясь на собственные знания китайского языка, Мэннинг нанял в качестве переводчика грамотного китайца Чжао Цинсюя, который был к тому же христианином (католиком). Сам Мэннинг решил для маскировки надеть некий восточный наряд, который, по его утверждению, был одеждой «татарского джентльмена», и объявить себя врачом, который идет поклониться Далай-ламе. Но, согласно отзывам людей, видевших Мэннинга, его английскую внешность (круглое лицо европейского типа, буйно растущая борода) вряд ли можно было скрыть при помощи даже самого лучшего костюма.

Целью путешествия Мэннинга оставался все тот же Китай, но войти туда он собирался с запада, со стороны Тибета. Дорога в Тибет была известна англичанам с XVIII в. – из Индии через Бутан этим путем прошли в Тибет английские посланники Дж. Богль и С. Тернер. Но эти люди шли как официальные представители английской администрации в Индии: они имели официальный статус, верительные грамоты, могли рассчитывать на содействие бутанских властей и уважение тибетцев и т. п. Т. Мэннинг не получил ничего от английских властей Калькутты; он мог рассчитывать лишь на свой кошелек и удачу.

Пройдя с большими физическими трудностями Бутан, Т. Мэннинг и его переводчик Чжао Цинсюй 21 октября 1811 г. вошли в первый тибетский пограничный город на своем пути – Пари-дзонг. Здесь находился китайский гарнизон во главе с генералом, который отнесся к английскому «жителю Бенгалии» вполне доброжелательно. Разумеется, и местные тибетские магистраты, и китайский ге-

нерал задали Мэннингу множество вопросов, но его примитивная версия (он, английский лекарь из Калькутты, идет отдать дань уважения Далай-ламе) особых сомнений не вызвала.

Здесь нужно отметить, что «англичане из Индии» были известны китайцам и тибетцам с XVIII века. В Тибете побывали 2 английские миссии во главе с уже упомянутыми Дж. Боглем и С. Тернером, а в годы китайско-непальской войны правители Тибета сами вступили в контакт с английской администрацией Бенгалии, прося о помощи против Непала. Правда, некоторые авторы утверждают, что китайцы якобы подозревали англичан в помощи непальцам, но прямых данных на этот счет не имеется [9, р. LXXIX]. Наоборот, китайский генерал Фу Канъань превозносил правильное поведение и «почтительность» индийских англичан по отношению к цинскому императору в период 2-й непало-тибетской войны. Вполне вероятно, что цинское правительство Китая долгое время не отождествляло «англичан из Индии» с теми англичанами, которые торговали на юге Китая и время от времени присылали в Китай посольства.

Так или иначе, но «индийских» англичан в Тибете знали; религиозное паломничество из пригималайских стран или Индии было вещью обычной и понятной. Мэннингу, согласно существовавшим правилам, надлежало ожидать на границе (в Пари-дзонге) разрешения или отказа на его просьбу отправиться в Лхасу. Собственно говоря, Уложение Лифаньюаня прямо не запрещало паломничества в Тибет индийских (в том числе и английских) буддистов, просто потому, что подобного прецедента до сих пор не было.

Тибетские магистраты очень заинтересовались вопросом о возможности торговли с Бенгалией, но Мэннингу, не имевшему никаких официальных полномочий, нечего было сказать по этому поводу. Он пишет: «Я не мог помочь, восклицая в уме (как я часто делаю), что глупцы из Компании не дали мне ни поручения, ни полномочий, ни инструкции. Какая польза от их посольств, если их посол не может говорить от души, может лишь выдавать ординарные фразы, проходящие через глупого переводчика? Нет тонкости, нет комплиментов. Глупцы, глупцы, глупцы, отвергающие

возможность, которую они никогда не получат снова!» [9, р. 218].

Вероятно, Мэннинга ожидало бы долгое скучное пребывание в маленьком Пари-дзонге в ожидании ответа из Лхасы, но он, как и следовало по его легенде, начал лечить местных больных (в первую очередь солдат китайского отряда), причем совершенно бесплатно. Из записок Мэннинга неясно, когда и где он приобрел медицинские навыки; по словам Ли Дэцзэна, Мэннинг получил определенные познания в этом плане за полгода работы в Лондонском госпитале [8, р. 75]. Мэннинг привез с собой небольшой запас лекарств (или сырьевых материалов для их изготовления), среди которых он упоминает каломель, опиум, шпанские мушки, сурьму, ртуть и некую вакцину (вероятно, от оспы). Удачное лечение китайских солдат сделало его настолько популярным, что генерал предложил ему отправиться вместе с отрядом в крупный город Гьянцзе, и там дожидаться ответа из Лхасы. Разумеется, Мэннинг с радостью согласился, так как путешествие с военным отрядом помогало избежать многих проблем – с проводником, с жильем, с верховыми и выючными животными и т. д., – а главное, Мэннинг и его спутник продвигались вглубь Тибета.

Во время пребывания в Гьянцзе Мэннинг узнал, что одним из двух амбаней в Лхасе был чиновник («мандарин», по терминологии Мэннинга), который занимал крупный пост в Кантоне во время нахождения там Мэннинга. Он был наказан за какие-то упущения в связи с высадкой английского десанта в Макао в 1808 г. и переведен в Тибет. Считая причиной своей опалы англичан, он мог причинить большие неприятности Мэннингу, особенно, если бы вспомнил, что тот проживал в Кантоне, а не в Индии. Однако пока что удача была на стороне Мэннинга: «Ответ магистрата Лхасы на мою просьбу разрешить мне проследовать в Лхасу прибыл через несколько дней после нашего нахождения в Гьянцзе. Он был очень благоприятен, написан вежливыми словами, содержал приказание обеспечить меня всем необходимым для безотлагательного прибытия» [9, р. 238].

Прибыв в Лхасу в декабре 1811 г., Мэннинг был вынужден прежде всего представиться главным «мандаринам», то есть цинс-

ким резидентам в Тибете. По традиции, один из этих амбаней считался главным, а другой – его помощником. Мэннинг не называет этих людей по именам, но дает им собственную оценку: главного амбаня он именует «татарским мандарином», что означает, что этот человек был либо маньчжуром, либо монголом. Страхи Мэннинга, что амбань узнает его и вспомнит времена, когда Мэннинг проживал в Кантоне, оказались напрасными: «Не было опасности, что татарский мандарин опознает мою личность. Старый пес был подслеповат и не мог видеть дальше нескольких дюймов от своего носа» [8, р. 259]. Мэннинг произвел благоприятное впечатление тем, что исполнил церемониальный обряд «коутоу» (несколько поклонов, коленопреклонений и падения ниц): как правило, иностранцы считали эту церемонию унижительной для себя и отказывались ее выполнять. Другим положительным моментом было то, что Мэннинг якобы совсем не знал китайского языка и пользовался услугами переводчика: в Китае считалось преступлением учить иностранца китайскому языку. Амбани приняли Мэннинга очень вежливо, явно не представляя, что с ним делать, и собираясь написать в Пекин об этом происшествии.

Но любое событие можно было описать по-разному: прибытие Мэннинга можно было рассматривать как паломническую миссию, а можно было расценить как попытку шпионажа или миссионерства. Мэннинг отмечает: «Татарский мандарин ненавидел европейцев. Они были причиной, как он заявил, всех его несчастий. Он часто сообщал о своих опасениях мне. Иногда он говорил, что я являюсь миссионером, а в другой раз – шпионом: «Европейцы – очень опасные люди; если один пришел шпионить в страну, он будет информировать и других. Придет множество и, наконец, они отберут у нас нашу страну». Хотя я пришел сюда как человек из Калькутты, мы не могли утаить, что Калькутта (в Бенгале) была под властью англичан. Слово Ингеликус (Английское королевство) было самым отвратительным звуком для его ушей» [9, р. 275–276].

Хотя дальше голословных обвинений дело не шло, этот амбань приставил к Мэннингу и его спутникам соглядатаев, которые

все время пытались заставить путешественника за каким-либо недозволенным делом. Местные китайцы и тибетцы, настроенные к Мэннингу доброжелательно, сообщили ему, что амбань даже ставил вопрос о применении пыток к путешественнику, чтобы выяснить о нем правду [ibid., р. 276]. Другой амбань не питал плохих чувств к Мэннингу, но вряд ли стал бы противоречить начальнику. Мэннинг полагал, что если бы из Пекина пришел указ о его казни, тогда «татарин, как я думаю, наблюдал бы за моей казнью с величайшим удовольствием, а другой смотрел бы без выражений или сожаления» [ibid.].

Кто же были эти амбани, вежливо и любезно беседовавшие с Мэннингом, но подозревавшие, что он шпион или миссионер и готовые прибегнуть к пыткам и казням? Хотя Мэннинг не называет их имен, пользуясь термином «мандарины», но справочник по цинским амбаням в Тибете позволяет довольно легко ответить на этот вопрос. Амбань, которого Мэннинг не без оснований считал своим главным врагом, – это Ян Чунь, маньчжур из Простого Белого Знамени, служивший в Тибете в 1809–1812 годах. Другим амбанем был Цин Хуй (1811–1812), монгол из Простого Белого Знамени [7, р. 39–40].

Итак, Мэннинг достиг Лхасы и здесь был вынужден задержаться. Хотя главной целью его путешествия было проникновение в Китай, ситуация складывалась так, что он попал бы в Китай только в случае его высылки из Тибета в Кантон. Он проехал бы Центральный и Юго-Восточный Тибет (Кам), китайские провинции Сычуань и другие и попал бы в Гуандун. Для Мэннинга это был бы наилучший выход: он повидал бы Китай, закрытый для иностранцев, и мог бы считать свою задачу выполненной. Но пока что, ожидая решения императора, Мэннинг должен был выполнить то, что считалось его официальной целью: получить аудиенцию Далай-ламы.

Прежде всего, Мэннинг отправился на прием к 4-м государственным министрам (калонам), которых он сам именуется термином «тхалунг» и называет «главными тибетскими магистратами в Лхасе» [9, р. 261], что, конечно же, неверно отражает их положение в тибетском обществе. Здесь он встретил вежливый прием и спросил у этих людей, когда он

сможет повидать Далай-ламу. Ему было предложено отдохнуть с дороги, а затем просить об аудиенции.

17 декабря 1811 г. Мэннинг и его спутники отправились во дворец Потала – резиденцию Далай-ламы, имея при себе небольшие подарки – несколько метров сукна, подсвечники, лавандовую воду. Мэннинг совершил обряд «коуту» перед Далай-ламой и его регентом. Затем Мэннинг передал Далай-ламе церемониальный шелковый шарф (хадак), а тот возложил руки на голову посетителя, благословляя его. На этом официальная часть была закончена, и гостю предложили чай.

Любопытно описание Далай-ламы IX Лунгтока Чжамцо (1805–1815), сделанное Мэннингом: «Красивое и интересное лицо Ламы и его манеры поглотили почти все мое внимание. Ему было в это время около семи лет; он имел простые и ненарочитые манеры хорошо воспитанного царственного ребенка. Его лицо было, как мне кажется, поэтически выразительным и красивым. Он был в веселом и бодром настроении; его красивый рот постоянно складывался в прелестную улыбку, которая освещала его лицо» [9, р. 265]. Далай-лама задал гостю обычные вопросы, задаваемые из вежливости: легко ли Мэннинг добрался до столицы, не встретил ли затруднений по дороге. «Я сказал, что у меня были трудности, но теперь, когда я имею счастье быть в его присутствии, они полностью компенсированы. Я более о них не думаю» [ibid., р. 266]. Ответ Мэннинга, как и все его поведение, понравился и самому Далай-ламе, и его приближенным. Это выразилось в том, что после окончания приема Мэннинга попросили задержаться в коридоре и местный переводчик от имени Далай-ламы спросил у него, нет ли у Мэннинга каких-либо просьб или пожеланий; тот попросил прислать ему книги по истории и религии Тибета и дать человека, который бы помог в них разобраться. Далай-лама ответил, что в данный момент у него нет копий этих книг, но обещал передать их позднее [ibid., р. 266].

В период своего пребывания в Лхасе Мэннинг несколько раз посещал как Далай-ламу, так и регента. Их отношения складывались наилучшим образом. Для того чтобы удовлетворить свое научное любопытство,

Мэннинг также посетил некоторые тибетские храмы в Лхасе.

Наконец, в январе 1812 г. прибыл декрет императора, в котором говорилось следующее:

«Император приказал министрам в Великом совете:

Согласно мемориалу Ян Чуня [имперский резидент в Тибете (амбань), чу цзан да чэнь] и других чиновников, варвар, чье имя Ма-линь (Томас Мэннинг), сопровождаемый китайским переводчиком, Чжао Цинсюем, из племени Ка-ли-ка-та (Калькутта), прибыл в Тибет с целью паломничества. Указанные чиновники осмотрели внешность Ма-линя и форму лица: они заметили, что физически он похож на европейца. Поэтому они начали подозревать, что Ма-линь, возможно практикует католицизм, но он собирается выразить почтение Будде просто потому, что намерен проповедовать католицизм тайно. Это опасение кажется основательным.

В течение недавних лет западные варвары распространяли еретический католицизм; они везде обольщали наш народ. Они не повинуются закону, и должны быть жестко ограничены.

Варвар Ма-линь сообщил, что он был уроженцем племени Ка-ли-ку-та. Территория этого племени, однако, находится на морском побережье (Индии) и связана с Европой. Это племя никогда не поклонялось Будде. Ныне же он прибыл в Тибет как паломник Будды, проделав столь долгое путешествие! Внешне он притворяется пилигримом, но на деле высматривает возможность проповедовать свое учение. Ему не может быть позволено жить в Тибете постоянно!

Хутули (новый имперский резидент в Тибете) и другим чиновникам приказывается депортировать варвара. После его высылки они должны объявить нашим солдатам на карунях вдоль тибето-индийской границы, что они обязаны серьезно охранять границу и не должны позволять варварам вновь проникать на нашу территорию!

Впредь все варвары из Европы, утверждающие, что они хотят совершить паломничество к Будде, должны задерживаться на границе. Им не позволено входить в Тибет.

Чжао Цинсуй, предатель, который проехал из Пекина в Гуандун, затем пересек два

океана и, следуя за варваром, проник на нашу территорию в Тибет, является совершенно безнравственным. Он должен быть возвращен в Чжан-мин для суда. Затем приказано Чжан-мину доложить нам о ходе следствия и наказания, наложенном на Чжао Цинсюя.

Пусть этот эдикт будет послан всем ответственным чиновникам!» [5, р. 387–388].

Хотя императорский эдикт был датирован 27 января 1812 г., Мэннинга некоторое время задерживали в Лхасе, не объясняя причины. Задержка заставляла путешественника нервничать: «Страшусь другого декрета! Опасаюсь миссионеров в Пекине. Боюсь, что кое-что выйдет наружу: то, что я уже бывал в Кантоне» [9, р. 293]. Между тем китайские власти в Тибете уже решили, что в соответствии с императорским указом Мэннинг должен вернуться в Индию той же дорогой, через Бутан; его переводчик Чжао Цинсюй должен был под конвоем вернуться в Китай, следуя через Восточный Тибет.

Наконец, 19 апреля 1812 г. Т. Мэннинг покинул Лхасу, и 1 мая прибыл в Пари-дзонг, городок на тибето-бутанской границе. В Индию Т. Мэннинг вернулся в июне 1812 года.

Т. Мэннинг не только был первым англичанином, побывавшим в Лхасе и лично общавшимся с Далай-ламой IX и его окружением (Дж. Богль и С. Тернер не проехали далее монастыря Ташилунпо в Цзане и общались только с Панчен-ламой III и Панчен-ламой IV); его научная заслуга в том, что в своих кратких записях он сумел показать характер тибето-китайских отношений в начале 2-го десятилетия XIX века.

Прежде всего отметим необычайную искренность путешественника: его заметки не предназначались для печати и не были опубликованы при его жизни; он не был связан какими-либо формальными обязательствами с правительственными или коммерческими структурами, путешествовал на свой страх и риск, и потому мог высказывать личные суждения без оглядки на вышестоящие инстанции. Напомним, что главной целью путешествия Мэннинга было изучение Китая; Тибет же представлялся некоей промежуточной инстанцией, которую нужно пройти по пути в Китай. Мэннинг так сформулировал программу-максимум своей экспедиции: «взгляд на

Китай с точки зрения морали; его обычаи; реальная степень счастья, которой обладает народ; их чувства и мнения, в той степени, в какой они влияют на их жизнь; их литература; их история; причины их стабильности и обширного населения; их малые искусства и изобретения; что самое ценное в Китае и может быть принято как образец для подражания, а что должно служить в качестве маяка, чтобы его избегать» [ibid., р. 280].

Мэннинг, по сути, посвятил свою жизнь Китаю и, вероятно, по-своему любил эту страну; но это не помешало ему очень трезво оценивать ситуацию в Тибете.

Мэннинг, писавший свой путевой дневник исключительно для себя, проявил большую наблюдательность. Так, он описывает систему китайских почтовых станций в Тибете [ibid., р. 280]; отмечает, что основная масса китайских военных – уроженцы провинции Сычуань и мусульмане по вероисповеданию; он фиксирует проведение военных смотров близ Лхасы под контролем китайских чиновников [ibid., р. 258].

Начиная с Пари-дзонга, то есть с момента своего вхождения в Тибет, Т. Мэннинг с восторгом отзывается о китайской вежливости: «Китайская вежливость, даже у рядовых солдат, создает большой контраст с варварами этого места» [ibid., р. 217]. После мучительных ночевки в жилищах тибетской бедноты, где путешественник страдал от дыма и насекомых, Мэннинг, попав в помещение китайской почтовой станции, восторгается китайским образом жизни: «Китайцы действительно цивилизованы и не живут как скот; после проживания в дыму и грязи, рядом с тибетскими домашними животными, получить убежище в китайском доме, где вы, по крайней мере, уверены в вежливости и чистоте, является комфортом» [ibid., р. 242]. В то же время, стараясь быть беспристрастным, Мэннинг отмечает, что местный тибетский чиновник (магистрат) был с ним «очень вежлив» [ibid., р. 216].

Постепенно в уме Мэннинга происходит определенная переоценка нравственных качеств китайцев, чувствующих себя в Тибете господами. Уже в Пари-дзонге он заносит в дневник первое наблюдение: «Китайский лорд здесь – как англичанин в Индии. Тибетцы стоят перед ним» [ibid., р. 217].

В Гьянцзе Мэннинг обнаружил, что его собственный переводчик-китаец (автор в дневнике именуется «Мунши»), который с точки зрения властей был беглым преступником, считает себя человеком более важным, чем тибетский чиновник: «Я отправился высказать уважение тибетскому мандарину, который жил в чем-то вроде замка на вершине холма. Мунши не пошел со мной; причина, им выдвинутая, – то, что за нами не послали лошадей. Расстояние было всего около мили! Я уверен в том, что, будучи китайцем, он начал думать о себе как о человеке значительном; фактически, он стал выказывать свою гордость и действовать с вызывающим видом по отношению к тибетцам, которые после этого стали вдвойне подозрительны, что вынудило меня уравновесить это, став сверхвежливым» [9, p. 231].

Не мог Мэннинг не отметить и того факта, что многие китайские солдаты вступали в брак с тибетскими женщинами, но когда заканчивался срок их службы, китайцы бросали тибетских жен и отправлялись в Сычуань одни [ibid., p. 235–236].

После отъезда из Гьянцзе в Лхасу Мэннинг сделал еще одно неприятное открытие: его слуга-китаец, которого автор характеризует как бездельника и невежду, считал себя, точно так же, как и переводчик, существом высшей породы по сравнению с тибетцами. Когда по пути в Лхасу Мэннинг остановился в крестьянском доме, его слуга повел себя необычным образом: «Его дерзкие и наглые манеры совсем не гармонировали с нашими. Мне было больно и горько видеть его глумление над их добротой, повелительное требование их услуг; например, намеренное удерживание слуг, ожидавших с кастрюлей супа, уже после того, как он съел хороший ужин: он специально оставил в чашке много еды, что означало, будто он все еще голоден» [ibid., p. 247]. Мэннинг, не знавший тибетского языка, пытался показать гостеприимным хозяевам, что он не такой, как его спутники-китайцы: «Хотя я не мог говорить, я пытался выразить моими жестами и видом, что их доброта оценена мной; а поскольку в таких случаях есть, конечно, взаимная симпатия, то я уверен, что они частично поняли мои чувства» [ibid., p. 247].

Т. Мэннинг, считавший китайцев цивилизованным народом, не мог согласиться с их претензиями на особое положение в Тибете; в частности, зная, как болезненно китайцы относятся к нарушению церемониала (обряд «коутоу»), он охотно проявлял всевозможные знаки уважения в отношении как китайских, так и тибетских чиновников. «Перед тибетскими мандаринами я иногда выполнял коленипреклонения, или делал вид, как будто становился на колени, хотя это и было неприятно моему Мунши. Он желал, чтобы этот знак уважения доставался одним только китайцам. Фактически, даже рядовые китайцы не делают никаких церемоний по отношению к тибетским мандаринам. Они не отдают им даже положенного почтения, и их отношение к тибетцам как подчиненным является своего рода оскорблением. Я, будучи беспристрастен к любой стороне, желал относиться к тем и другим как к равным» [ibid., p. 259].

Личные наблюдения Мэннинга о взаимоотношениях китайцев и тибетцев дополняются сведениями о столкновениях между ними, происшедших незадолго до прибытия путешественника в Тибет. Мэннинг приводит две версии событий: одну со слов китайцев, другую – со слов тибетцев.

Китайская версия сообщает, что причиной мятежа было желание китайского солдата перейти мост в окрестностях Лхасы без уплаты пошлины. Сбор пошлины осуществлял тибетский монах, который, несмотря на требования солдата, не пропустил его бесплатно. Китаец обнажил меч и убил ламу; китайское командование сделало вид, что ничего не произошло. Случай вызвал возмущение в столице. Большая толпа монахов явилась на улицу, где проживали китайские торговцы; около 40 китайских лавок было разгромлено и разграблено, и один китаец убит.

Если на убийство тибетца, даже и священнослужителя, китайские власти могли не реагировать, то убийство китайца и погром магазинов рассматривались как серьезное преступление. Такие случаи должны были сообщаться в Пекин, и последствия для тибетской стороны могли быть тяжелыми. Поэтому тибетские министры, желая смягчить депешу, отсылаемую в Пекин, прибегли к взяткам: четвертым главным китайским чиновникам (вероятно, двум

амбаням и двум генералам) были предложены крупные взятки. Но тут произошло нечто необычное: один из четырех чиновников отказался принять взятку. Он заявил, что о происшествии такого рода следует сообщить императору в истинном виде. По словам местных китайцев – как солдат, так и гражданских, – этот чиновник был единственным честным мандарином в Лхасе, ученым и добродетельным, и был уважаем местным населением.

Тибетские власти, видя непреклонность честного мандарина, решили отделаться «малой кровью»: они нашли бедного человека и заставили его пробрить голову и надеть монашеское платье. Выдав этого лжемонаха за убийцу китайского торговца, они предъявили его в качестве единственного виновника. Однако честный китайский чиновник разоблачил инсценировку и отказался поставить свою подпись в докладе, который три других чиновника направили в Пекин; он заявил, что напишет особый доклад об истинном положении дел.

Для трех взяточников такое заявление было нешуточной угрозой: взятки должностных лиц никогда не приветствовались в Пекине, но здесь речь шла о взятках с целью скрыть преступления против китайцев, не говоря уж об обмане императора! Поэтому три взяточника обвинили честного мандарина в выдаче общественных денег под проценты (он был казначеем) и других проступках. «Они обвинили его перед императором в самой опасной манере, как если бы он был причиной волнений в Лхасе; они перехватывали и уничтожали его письма, отправленные им в Пекин» [9, р. 272]. Император, будучи обманут, распорядился о немедленной казни честного чиновника. Попытки тибетских китайцев заступиться за него ни к чему не привели.

Через некоторое время император все же узнал о своей ошибке. Сычуаньские власти провели расследование и представили в Пекин мемориал о событиях, связанных с международными столкновениями. Теперь уже один из взяточников был смещен со своего поста и отправлен в Пекин, где он был лишен всех титулов и разжалован до рядового. Прогнев «татарского» мандарина (судя по всему, это был амбань Ян Чунь) было начато долгое следствие, и в начале 1812 г. на его место был назначен другой чиновник, а виновному было при-

казано сдать должностную печать и выехать в Пекин. Третий из мандаринов-взяточников не подвергся судебному преследованию только потому, что получил психическое расстройство: он, по свидетельству лечившего его Мэннинга, был в очень плохом состоянии и вскоре умер. «Его нечистая совесть мучила его во время болезни. В своем помрачении он признавался в получении взяток, упоминал о суммах и предлагал вернуть их» [ibid., р. 270].

Тибетская версия событий несколько отличается от китайской. Во-первых, тибетцы утверждали, что в основе всего лежал не спор об уплате мостовой пошрины, а спор из-за чего-то другого, но по сути того же характера: китаец требовал от тибетца какой-то услуги или вещи, на которую не имел никаких прав. Во-вторых, по уверениям тибетцев, «честный» мандарин действительно отдавал казенные деньги под проценты, так что обвинения против него не были совсем уж голословными. Казненного мандарина любили местные китайцы, так как его позиция была всегда прокитайской; напротив, «татарский» мандарин Ян Чунь, главный враг Мэннинга, был неплохо охарактеризован тибетцами: «Он был беспристрастен, говорили они, особенно при разборе мелких дел и споров между китайцами и тибетцами. Такое поведение, естественно, вызывало неприязнь к нему со стороны китайцев, которые, являясь господствующей нацией, хотели, несомненно, быть правой стороной во всех тяжбах, и доброе отношение со стороны тибетцев» [ibid., р. 273].

Несмотря на эти расхождения, считает Мэннинг, обе эти версии не опровергают сути событий. Скандальные происшествия с убийством сначала тибетца, затем китайца и последующей грызней китайских мандаринов привели к ухудшению тибето-китайских отношений: «Теперь, как говорят, стало куда меньше смирения перед китайцами, чем год или два назад» [ibid., р. 272]. Основной вывод, сделанный Мэннингом, таков: «Из всего, что я услышал, я мог прийти к четкому заключению: великие мандарины в Лхасе были в основном плутами и негодьями» [ibid., р. 273]. Причина этого явления, по мнению Мэннинга, состояла в том, что Тибет служил местом своеобразной ссылки для китайских чиновников: «Лхаса – тяжелое место для проживания; для великого мандарина быть посланным сюда означало

своего рода наказание, и сюда приезжали в основном в чем-нибудь виновные» [9, p. 273]. В качестве примера автор приводит карьеру «татарского» мандарина, провинившегося в Кантоне, и судьбу его преемника, также отправленного в Тибет для заглаживания вины.

По мнению Мэннинга, упадок китайского влияния в Тибете – явление закономерное. Его причина кроется в том, что для управления «Страной снегов» из Китая присылаются плохие люди. «Надменные мандарины», отмечает Мэннинг, даже не проявляют должного уважения к Далай-ламе, что вызывает открытое возмущение тибетцев [ibid., p. 274]. Сам Мэннинг, по его словам, при встрече с Далай-ламой совершал перед ним три поклона до земли, в то время как китайцы делали лишь один поклон [ibid., p. 244].

Какой же выход предлагает Мэннинг? Он полагает, что все зависит от личных качеств китайских чиновников: тибетские «смирение и почтительность могли бы вернуться назад, как я полагаю; у меня нет сомнения в их неустойчивости и зависимости от характера резидента-мандарина» [ibid.].

Вывод, сделанный Т. Мэннингом, был, конечно, наивным. Путешественник плохо представлял историю и характер тибето-китайских отношений и не подозревал, что шовинистическая политика китайского правительства в Тибете направлялась из Пекина. Он не мог и предположить, что цинские императоры лично санкционировали неуважительное отношение к Далай-ламе со стороны цинских резидентов. Так, например, император Хун Ли писал в своем указе по случаю отъезда из Тибета амбана Хэ Линя:

«Чэн Дэ, прибывший из Лхасы, информировал Нас, что Хэ Линь проявил большую мудрость в управлении тибетскими делами: он не становился на колени и не исполнял обряд “коутоу” перед Далай-ламой, который обязан повиноваться любому приказу, отданному им. Мы тем более были рады услышать это, что Хэ Линь, таким образом, подчеркивает величие государства, поскольку в прежние годы Тибет неуклонно погружался в пучину варварства, а его правительство вырождалось из-за беспомощной бездеятельности. Ныне именно Хэ Линь поставил дела на более прочную основу, и теперь будет легче усилить наш контроль за страной и сосредоточить реальную власть в наших руках» [4, p. 678].

Результаты такой политики и были зафиксированы Мэннингом.

Таким образом, путешествие Мэннинга, замечательное само по себе, дало и определенные научные результаты. Путешественник доказал, что система изоляции Тибета от внешнего мира далеко не совершенна; после его путешествия охрана границ Тибета была усилена. С другой стороны, Мэннинг не встретил в Тибете никакой неприязни к иностранцам, даже к христианскому духовенству (в принадлежности к которому его подозревали). Ксенофобия, развившаяся в Тибете во второй половине XIX в. под влиянием Китая, еще не укоренилась в этой стране.

Другим важным наблюдением Мэннинга было падение китайского влияния в Тибете. Мэннинг, разумеется, застал самое начало этого процесса, но грядущее ослабление Китая в результате внутренних потрясений и колониальной экспансии Запада ускорили и углубили отход Тибета от Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новая история Китая. – М. : Наука, 1972. – 636 с.
2. Уложение китайской Палаты внешних сношений : в 2 т. – СПб. : Типография Департамента народного просвещения, 1828. – Т. 2. – 326 с.
3. Уоддель, А. Лхаса и ее тайны / А. Уоддель. – СПб. : Типография П.Ф. Пантелеева, 1906. – 344 с.
4. Blackhouse, E. Annals and memoirs of Court of Peking (from 16th to 20th century) / E. Blackhouse, J. Bland. – L., 1914. – P. 678.
5. Fu Loshu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820). – V. 1. – Tucson : University of Arizona Press, 1966. – 417 p.
6. Fu Loshu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820). – V. 2. – Tucson : University of Arizona Press, 1966. – 702 p.
7. Kolmas, J. The Ambans and Assistant Ambans of Tibet (a Chronological Study) / J. Kolmas. – Prague : The Oriental Institute, 1994. – P. 87.
8. Li, Tieh-tseng. The Historical status of Tibet / Li Tieh-tseng. – N.Y. : Columbia University, 1956. – 312 p.
9. Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet and Journey of Thomas Manning to Lhasa. – L. : Trubner and Co., Ludgeit Hill, 1876. – 407 p.
10. Richardson, H. E. Tibet and its Yistory / H. E. Richardson. – L. : Oxford University Press, 1962. – P. 308.
11. Younghasband, F. India and Tibet / F. Younghasband. – L., 1910. – P. 455.

THOMAS MANNING'S OBSERVATIONS ON TIBET-CHINESE RELATIONS IN THE EARLY XIX CENTURY

E.L. Besprozvannukh

Manning's travel to Tibet in the XIX century is observed in the article, based on his traveling journal which contains important information about Chinese governing in the «Country of Snow» during the mentioned period. The author considers the travel as a scientific expedition, not as a stroke luck of a brave man. Manning's observations of Tibet-Chinese relations presents a scientific value as his visit caused a «closing down» final of Tibet for Europeans.

Key words: *Tibet, Dalai Lama, Ambans, Ch'ing Empire, China, Lhasa, xenophobia, officialdom, missionaries.*